

.... ГЛАВА 1

Позорный столб всему начало

Алессия

Эта история началась холодным осенним утром у позорного столба. Не самое лучшее место, чтобы начинать рассказ, но неплохое, чтобы предаваться рассуждениям о своей неудавшейся жизни. Может, кто-то бы и поспорил — мол, что ты жалуешься на судьбу? Молодая — едва исполнилось двадцать. Красотой светлая Эдра не обидела. Каштановым волосам завидовали все соседки. Глаза достались от мамы — ореховые, в обрамлении пушистых ресниц. В общем, зеркало от моего отражения не трескалось. Магичка, что немаловажно. Только магия досталась своеобразная. Но уж какая есть! Одним словом, живи — и радуйся. Но не тут-то было! Как водится, в моих бедах был виноват мужчина...

Постаралась переступить с ноги на ногу. Босые ступни заледенели, сорочка из грубой ткани мало спасала от холода, а на груди болталась табличка: «Алессия Адано, жительница Аури, подлежит сей позорной казни за оказание магических услуг без лицензии».

Не за то, что прокляла кого-нибудь, украла, убила. А вот так просто — магичила, не имея большого свитка с печатью канцелярии королевства. Я бы, может, и получила этот свиток, если бы один м-м-мужчина — да посетит его половое бессилие! — не ввел в обращение магический индекс. Уж не знаю, по какой формуле он высчитывался, только я трижды ездила в столицу в надежде окончить курсы при академии (на саму академию денег бы не хватило) и получить заветный свиток. Однако кристалл — проклятый черный кристалл — вместо минимальных двух целых магического потенциала выдавал одну и девять десятых. Три, чтоб эту кан-

целярию вместе с канцлером прибрала богиня, раз! Все деньги, что были, тратила на дорогу, чтобы снова вернуться домой с носом и без права даже вылечить соседскому мальшу разбитую коленку. А лечить я, между прочим, умела хорошо. Правда, мой конек был не в этом. Но у позорного столба стояла как раз за исцеление, причем удачное.

Ничто не предвещало беды. Мы с подругой, бойкой, звонкой Сианкой, с самого утра готовили травы на зиму. Жила я одна, Сиана — с теткой, страдающей глухотой, но прекрасно слышащей, когда не надо, и слегка подслеповатой. Вот и вертелись, как умели. Я травы собирала, Сиана помогала их сушить, а зимой за травами выстраивались очереди. У кого простуда, у кого прострелы, у кого сердечко пошаливает. А еще Сиана прекрасно гадала! Что нагадает — то и сбудется. Одна я к ней обращаться побаивалась. Но вчера — а такое чувство, что год назад, — вдруг решила. С травами мы закончили, вечерело. Сиана расставила на столе посуду к ужину — она часто у меня ночевала, когда к тетке приходили старушки из окрестных домов делиться сплетнями да так и сидели, пока не засыпали в креслах. А потом вдруг сказала:

— Лесса, а давай на судьбу гадать?

— Ну тебя! — отмахнулась я, вертясь перед зеркалом в недавно сшитом платье. — Еще прогадаем.

— Со мной не прогадаем. Давай, подружка! Себе гадать нельзя, а так хочется! Хоть твое будущее узнаем.

— Почему сегодня? Ведь ни праздника какого нет, ни луны положения особого.

— Не говори глупостей. — Сиана если что-то решала, ее было не остановить. — Я могу гадать в любой день. Только выбери на чем. На травяной гуще? На звездном небе? Знаю! На зеркале!

— Ой, я на зеркале боюсь, — попыталась успокоить разошедшуюся подругу.

— Ты чего? Я же рядом буду. Выбирай — на судьбу, на суженого...

— Решили — на судьбу, так и давай.

— Ура! — Сианка повисла у меня на шее. Усадила перед единственным зеркалом, доставшимся мне в наследство от бабушки, и заставила распустить волосы. Погасила свечи — обычные, не магические. Магические стоили дорого. Оста-

вила одну за моей спиной. Сама стала так, чтобы я ее не видела в отражении.

— Думай о том, что хочешь узнать. — Голос Сианы вдруг показался чужим и страшным. — Думай и не отвлекайся. А если захочешь прекратить видение, скажи: «Реасса».

Реасса в переводе с древнего наречия, которое использовалось для магии, означало «конец». Сама его использовала в заклинаниях, но магичила только за задернутыми шторами подальше от людских глаз. Конечно, когда мне требовались заклинания.

Сиана запела. Ее чистый, звонкий голос будто наполнял всю комнату. А я вглядывалась в гладь зеркала и спрашивала его, чего мне ожидать. Потому что без заветного свитка с лицензией я даже на жизнь заработать не смогу. Только тайком продавать травы, подлечивать и надеяться, что никто не выдаст.

Отражение темнело и клубилось туманом. Вдруг от меня вдаль будто распростерлась дорога. Темная, ночная. Где-то ухнул ворон — дурной знак. Но я представила, что иду по ней, по этой дороге. Раздается стук каблучков — тук-тук, тук-тук. Наверное, это мои единственные туфельки, которые стоят в шкафу.

В какой-то момент я поняла, что на дороге не одна. Ко мне шагнула женщина — красивая, светловолосая, как богиня. В нашей стране светлые волосы у женщин были редкостью и приравнивались к знаку солнца. Для мужчин же светлые волосы означали принадлежность к правящему роду.

— Здравствуй, Алессия, — мягко улыбнулась мне путница. — Ты наконец-то пришла.

— Кто вы? — Я перестала понимать, что нахожусь в комнате, а не на этой черной дороге.

— Твоя судьба. Скажи, о чем ты хотела спросить?

О свитке! О магии, о... Но губы уже шептали другое:

— Я не знаю, куда идти. Кажется, будто стою на одном месте. И никого рядом нет. Что мне делать?

— Тебя поведет не я, — судьба качнула головой. — Тебя поведет он.

И сделала шаг в сторону. Я увидела мужчину, замершего на дороге. Он стоял ко мне спиной — весь в черном, как ворон. Стоял и смотрел на луну, нависшую над вершинами домов.

- Позови его, — посоветовала судьба.
- А как? — Я ведь ни имени его не знаю, ни титула.
- Тебе лучше знать.
- Жизнь моя... — вдруг сорвались с губ слова.

Мужчина обернулся. Я встретилась с черными, как ночное небо, глазами — и поняла, что пропала. Изучала совершенное, будто выточенное рукой скульптора, лицо. Высокий лоб, прямой нос, упрямый подбородок, изгиб губ. Он был красив. Но в то же время внутри все замирало от страха. Я впитывала в себя суровый взгляд, темные волосы, белую, будто не видевшую солнца кожу. Кто он?

- Ты кто? — спросило видение.
- Я? Лесса. А ты?
- Тот, кто тебя погубит.
- Реасса!

Это сказала не я, а Сианка. Исчезли дорога, луна и незнакомец в черном. Я будто ухнула вниз, открыла глаза, потерла виски.

- Что случилось? — спросила у подруги.
- Ты вдруг побелела вся. — Сиану трясло от страха. — И глаза закрыла. Я тебя позвала, а ты не ответила. Вот я и преврала гадание. Лесса, прости меня, глупую! Ты как знала, что не стоит тебе гадать!

- Ой, да брось ты! — Я поднялась со стула. — Ничего страшного не произошло. Ты знаешь, Сиана, а ведь я видела!
- Что?

Ответить я так и не успела. В дверь постучали — громко, будто выломать хотели.

- Кто там? — Я подошла ближе.
- Откройте, прошу! Он умирает!

Я сняла засов и распахнула дверь. Сначала увидела на земле мужчину, рубашку которого заливала кровь. Затем — парнишку, который его сюда притащил. Младший брат? На слугу не похож, одет дорого.

- Мы на охоте были, — сбивчиво объяснял парнишка, — а тут вот...

Понятно, от него ничего не добьешься.

- Брат? — спросила я.
- Брат.

— Неси его в дом, только быстро. И не кричи. Наш городок маленький, все друг за другом следят. Почему вы вообще решили, что я помочь могу?

— Так брат сказал. Он еще в сознании был. — Парнишка с помощью Сианки затащил раненого в дом, а я растелила на полу чистую простыню и достала заговоренные порошки. Ничего, потерпи, братишка. У меня пару раз и в худшем состоянии на ноги вставали.

Разрезала на раненом рубашку, проверила магией рану. Ничего опасного, царапина, только крови много. Смешала ингредиенты, осторожно нанесла на пораженное место и зашептала слова заклинания. Рана уменьшалась на глазах. Прекратила течь кровь, а на месте разорванной кожи остался лишь неровный рубец. Пару дней — и будет как новенький.

— Кто это его так? — Подняла голову — и отшатнулась. Младший парнишка смотрел на меня так, словно увидел ядовитую змею.

— Значит, слухи не врут, госпожа Алессия, — недобро ухмыльнулся он. — А предъявите-ка разрешение на оказание магических услуг.

— Вы что? — Я попятилась к стене. — Сами же попросили спасти вашему брату жизнь!

— Во-первых, по законам Виардани вы должны были мне отказать. Во-вторых, он мне не брат, а так, преступник, которого надо дотащить на допрос живым, а я его немного покалечил.

И мне под нос ткнули запястье с проступившей магической татуировкой — знак тайной службы канцелярии. Потом были слезы и крики Сианы, магические пути, быстрый суд — этот парнишка, который был едва ли старше меня, имел на него право. И наконец позорный столб, у которого я и стояла, стараясь гордо держать голову и не отморозить ноги. Магия моя, увы, была не боевого типа, что означало — куковать мне тут положенные трое суток, если не...

К «если не» прибегать не хотелось. Это был крайний случай, когда все другие уже доказали свою бесполезность. Но зубы выстукивали барабанную дробь, вокруг темнело. Охрана откровенно зевала — в Виардани так боялись канцелярии во главе с канцлером, что даже если бы кто-то и испытывал ко мне сочувствие, помочь бы не решился.

А сама я, с моим уровнем и типом магии, освободиться от них не смогу. Не смогла бы, если бы не один маленький секрет.

К вечеру позорный столб стал неплохим развлечением для горожан — учитывая, что среди приговоренных была не только я, но и довольно симпатичный парень. Тот самый, которого я подлатала и за которого теперь платила перед законом. Он, правда, повесил голову на грудь — ему бы полежать, а не здесь торчать. Видно, допрос ничего не дал, раз уж добыча моего ночного гостя щеголяет табличкой. Интересно, что на ней написано? Жаль, не видно.

Вокруг столба набралось человек десять зевак. Некоторые плевали в нашу сторону — стоит признать, парню доставалось больше. В него даже швырнули пару камней, но он лишь тихо застонал, не открывая глаз. На мою же долю выпали огрызки, шелуха от семечек и парочка похотливых взглядов — хорошо хоть при охране лапоть не решились. Зато к ночи зеваки разошлись. Остался только скучающий, полусонный стражник, я и незнакомый заключенный, которого, как и себя, было жаль. Меня после казни ждал год исправительных работ. А что ожидало его?

Когда стало совсем тихо, я поняла — пора!

— Эй, — окликнула стражника. — Любезный, можно вас на два слова?

Подойди же ближе, болван!

— Не положено.

— Пожалуйста, я так хочу пить.

Не подойдешь, многое потеряешь.

— Не положено.

— Ах я бедная, несчастная-я-я! — От моего воя даже второй заключенный поднял голову. — У-у-у.

— Не ори!

Стражник шагнул ко мне, замахнулся, чтобы ударить по лицу, — и наши взгляды встретились. Мужчина замер, глядя на меня пустым, ословелым взглядом.

— Что, нравлюсь? — спросила я, затрепетав ресницами.

— Ага. — Он потер бороду.

— Тогда давай пообщаемся ближе, — манила его, как цветок — мотылька.

— Ну, это...

— Отвяжи меня. Найдем какую-нибудь приятную харчевню, поужинаем вместе. А будешь хорошим мальчиком — может, и не только поужинаем.

— Ага! — обрадовался лишенный разума стражник.

Увы, это был мой главный и совершенно бесполезный талант — умение нравиться, обольщать, привлекать к себе. Вот только какой от него толк? Первый раз в жизни, наверное, пригодился — эту магию я не использовала практически никогда.

Веревки на руках и ногах исчезли, я потеряла озябшие руки.

— Поделись плащиком, — попросила у невольного помощника. С обувью, конечно, ничего не сделаешь — придется бежать босиком. Но хоть что-то! Накинула плащ на плечи, не разрывая зрительного контакта.

— Госпожа... — прохрипели сбоку.

— Да? — ответила, не поворачивая головы.

— Помогите, прошу.

— За что ты здесь?

Можно было бы прочитать на табличке, но тогда придется выпустить из ловушки свою добычу, а этого я делать не собиралась.

— Я... я убил служащего тайной канцелярии. После позорного столба меня ждут пытки и смерть. Прошу, госпожа!

Да, парню придется несладко. Служащие тайной службы были людьми, а иногда и не людьми, неприкасаемыми. Их боялись так же, как их главу, поэтому обходили стороной. Убийство одного из верных псов канцлера каралось не просто смертью, а долгой и мучительной смертью.

— Слушай, — сказала стражнику, — а давай этого с собой возьмем?

— Зачем он нам? — не понял тот.

— Ну как это? Вот мы уйдем, а он возьмет и нас выдаст. И ничего у нас с тобой не получится! Давай нож, я веревки сама разрежу.

Резать, продолжая смотреть в глаза жертве, было неудобно. От напряжения начинала болеть голова. Но все же мне удалось освободить вторую жертву правосудия.

— Спасибо, госпожа. Век не забуду! — прохрипел тот осипшим голосом.

— Беги отсюда, — сказала я. — А потом я... побегу.

Потому что иного выхода не было. Дождалась, пока брат по несчастью исчезнет в ближайшем переулке, и медленно пошла в другом направлении. Стражник двинулся за мной. Так, главное — не споткнуться. Все-таки идти спиной вперед — не наилучшее занятие. Шаг, еще шаг, еще. А затем вдруг развернулась и побежала. Жертве понадобится секунд пять, чтобы прийти в себя. Беги, Лесса, беги! За спиной слышался топот сапог. Догонит! А второй раз подряд наложить очарование не получится. Вылетела на большую площадь. Храм Светлой Эдры! Там можно спрятаться. Осенила себя на ходу знаменем и нырнула в тепло и свет. В храмах Эдры всегда находили приют путники и нищие. Но сейчас здесь было пусто — слишком поздний час для молитв. Сердце бешено колотилось, словно стремилось вырваться из груди. Ног я почти не чувствовала. Свернула из главного зала в первый попавшийся коридорчик. Надо найти кого-нибудь и попросить о приюте. Еще коридорчик. Еще. И вдруг очутилась в маленькой молельне. Здесь тоже было пусто — только алтарь Эдры, усыпанный цветами, которые никогда не вяли, и статуя богини в полный рост.

— Помоги, светлая Эдра! — Я припала к ее ногам. За побег меня точно казнят. — Не оставь, ведь никогда не оставляла. Защити, дай выбраться отсюда, чтобы никто не нашел!

От статуи полился свет. Он окутывал мою фигуру и всю маленькую молельню. Меня услышали. Это была последняя связная мысль. Я так замерзла и устала, что легла у ног статуи и закрыла глаза. Эдра, помоги!

.... ГЛАВА 2

Канцлер, великий и ужасный

Эдмонд

Потрескивал огонь в камине. Начиналась осень, и весь дом наполняли огни. Мне это не нравилось, но человеческому телу неприятен холод. Поэтому с каминами пришлось смириться, а вот количество светильников я ограничивал. И теперь комната тонула в полумраке, разгоняемом лишь этим веселым огоньком. А мне весело не было. День выдался утомительный. Утром — большой королевский совет, на ко-

тором из меня пытались вить веревки. В итоге я сам свил веревки из большинства советников. Они выходили из зала с таким остервенением на лицах, что впору было сжевать яд. Днем — работа. Доклады, разбирательства. Жалобы, но таких было мало — никто не рисковал. Вечером — обязательный визит к герцогине Майнтборо, которая праздновала день рождения. Не пойти не мог — в обществе она числилась моей невестой. Нам обоим было это выгодно. Мне — не сватали других. Для нее это было делом статуса. Числиться невестой канцлера, наводящего ужас на все Виардани. Я тихо рассмеялся. Весело быть пугалом для тех, кто слаб духом. И горько — для тех, кто силен.

Лишь ближе к ночи добрался в спасительный полумрак собственного дома и теперь сидел в кресле с бокалом вина. На столе лежала черная маска — предмет, с которым расставался только здесь, выгнав слуг и оставшись наедине с мыслями. Маски почему-то боялись еще больше, чем меня. Наверное, потому и слыл уродом.

В коридоре послышались шаги. Я их узнал, поэтому не потянулся к маске. Только отставил бокал и встал, чтобы приветствовать гостя. Дверь распахнулась без стука — мой покровитель и друг никогда не стучал. Хотя друг ли? Хотелось верить, что да.

— Эдмонд, ты снова сидишь впотъмах. — Венден зажег светильник, и я поморщился. — Потому все и считают тебя букой.

Вендену нравилось казаться весельчаком. На самом деле он обладал хитростью и гибким умом, который и позволял его величеству иногда казаться глупее, чем он есть. Ему это было выгодно — все шишки летели в меня, его верного подданного. А королю доставались народная любовь и почитание. Мол, смотрите, какой добрый у нас монарх. Все беды от канцлера. Поэтому за минувший год на меня было три покушения, а на него — ни одного. Но я тоже поддерживал эту видимость. С дурной славой все обходили меня стороной.

— Ты не пришел к герцогине, — заметил я.

— Тарисса скучна, как осенняя слякоть. — Король взял со стола чистый бокал и наполнил вином. Он часто вот так захаживал по вечерам, поэтому слуги обычно и оставляли для нас два бокала.

— Ее окружение еще скучнее, — заметил я.

— Не говори так! Ты разобьешь сердце всем, кто так искренне тебя ненавидит, — рассмеялся Венден. — Они настолько стараются не попадаться тебе на глаза, что даже со стороны наблюдать уморительно.

Я улыбнулся. Да, смешно, когда вокруг меня вдруг образуется пустое пространство. При этом каждый обязан подойти, поприветствовать, и все смотрят друг на друга — кто же следующий вступит в круг? Забавно. Но в доме герцогини, увы, хозяйка считает своим долгом меня развлекать и таскает ко мне всех, кого не лень.

— Нам надо развеяться! — заявил король. — Как ты смотришь на прогулку по ночному Адиаполю? Прогуляемся по девушкам. Все равно твою физиономию никто не видел.

— Не хочу.

Какие девушки, когда я с ног валюсь от усталости?

— Эдмонд, что ты ворчишь, как старый дед? Такая ночь! Такие звезды.

— Какие звезды? Холодина, дождь льет.

— Дождя уже нет.

Венден распахнул окно, и в комнату ворвался ледяной ветер — осень выдалась холодной. Я тут же начал мерзнуть.

— Закрой, — попросил его.

— Говорю же — идем по барышням! Они зажгут огонь в крови, — хохотнул Венден.

— Если твоя матушка узнает, где ты был, проблем не оберешься.

— Она не узнает, если ты ей не скажешь. А ты не скажешь. Я одолжу одну из твоих масок. Соглашайся!

Я понял, что Венден не отступит. Король умел быть настойчивым. И знал, что рано или поздно добьется своего.

— Хорошо. — Я поднялся с кресла. — Идем. Только просто прогуляемся, без барышень.

Ему, конечно, нужна была не маска, а парик. Потому что светлые волосы кричали каждому, кто перед ними. Поэтому я прошел в соседнюю комнату и распахнул дверцы шкафа. Десятки масок. На некоторых — заклинания. Некоторые просто чтобы скрыть лицо. Протянул одну из них Вендену. Он надел ее — и светлые кудри потемнели до медно-рыжего. Изменилась и видимая часть лица. Истончились губы, рас-

ширился подбородок. Король больше не был собой. Я же выбрал обычную, чары подобного рода сейчас мне были не нужны.

— Ну зачем? — взвыл Венден.

— Сам знаешь, что надо. — Я привычно скрыл лицо.

— Ты еще медальон канцлера поверх одежды повесь.

— И повешу, чтобы нас обходили стороной. Идем, величество.

Я накинул плащ и вышел из дому первым на случай, если кто-то поджидает у черного хода. Бывало всякое. Однажды меня пытались заколоть кинжалом в собственной постели — с тех пор я не сплю без маски и развешенных по комнате заклинаний. Вон в том переулке, который мы как раз миновали, меня ждала засада. Десять сильнейших магов, решивших, что смогут меня убить. Жаль было их разочаровывать, но пришлось. А вон там, на одной из главных площадей города, меня пытались отравить во время церемонии первого хлеба. Столько воспоминаний! Живым не ушел никто.

— О чем ты думаешь, Эд? — обернулся Венден. На улице не стоило называть друг друга полными именами.

— О прошлом.

— Что о нем думать? Оно же уже прошло.

В этом был весь король. Он умел то, чего не умел я, — жить сегодняшним днем и наслаждаться жизнью. Это не значит, что судьба благоволила к его величеству Вендену. Он рано остался без отца, занял трон. Отношения с матерью у него были натянутые. Но Венден все равно умел жить так, как не умел я, — свободно.

Если бы не он, я бы вряд ли когда-либо переступил порог собственного дома — вот так, ночью. Не боялся, нет. Но не чувствовал необходимости. А сейчас хотелось просто куда-то брести, прислушиваться к шелесту листьев, думать о своем.

— Эд, сегодня матушка снова настаивала на том, что мне пора жениться, — обернулся король.

— Пора, — кивнул я. — Тебе уже двадцать пять, Ден. Нужно думать о наследнике.

— Ты говоришь, как моя карга. — Наверное, Венден ожидал от меня поддержки. — «Надо подумать о нафледнике, надо подумать о нафледнике».